

КРОКОДИЛ

ЕЕ МОЛОДОСТЬ

— Подумать только: Москве восемьсот лет, а на вид ей не больше тридцати!

Рис. Л. БРОДАТЫ

И города, как люди и народы,
Свою судьбу имеют на земле:
Одни — живут века, другие — только годы
И навсегда теряются во мгле.

Иной из городов когда-то был в почёте,
Стоял в Истории на титульных листах,
А нынче вы его на карте не найдёте —
Он тихо одряхлел и медленно зачах.

Зато другой, как день весенний, молод,
Растёт, цветёт, решителен и горд:
Вчера — посёлок, нынче — людный город,
А завтра — крупный центр и всем известный порт.

Есть города, овеянные славой,
Их памятники — точно ордена,
Есть города, носящие по праву
Прославленных людей большие имена...

Но среди разных городов вселенной,
Похожих и различных меж собой,
Один есть город, навсегда нетленный,
С неповторимой, сказочной судьбой.

М-о-с-к-в-а. Шесть букв. Короткое название.
Но в это слово краткое легли
Все долгие людские упования,
Все лучшие надежды всей земли.

В её истории история народа —
Строителя, героя и бойца.
Написано: Москва! Читается: Свобода!
Так чувствуют все честные сердца.

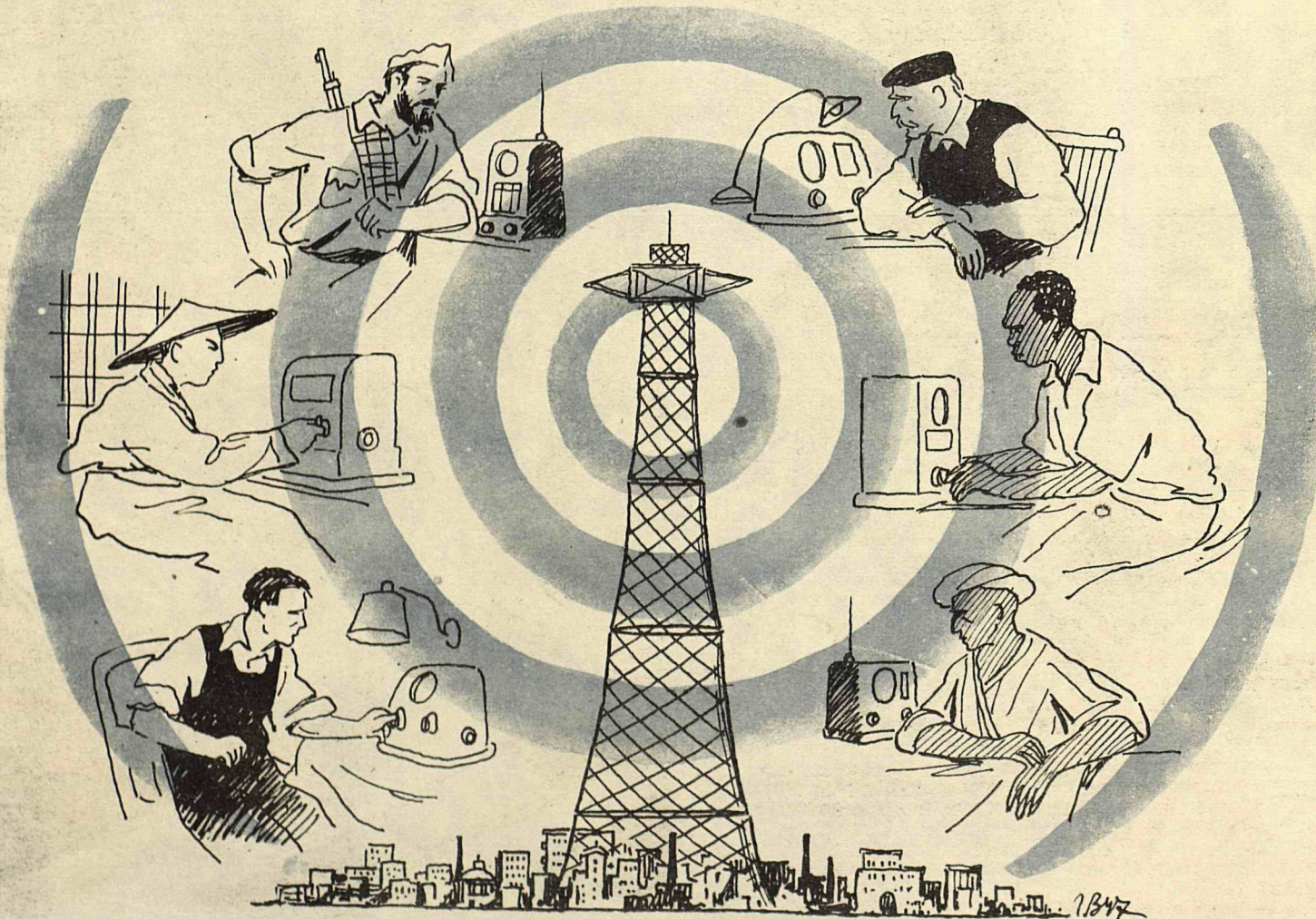
Враги её смертельно ненавидят,
Друзья готовы жизни ей отдать.
Свои мечты в ней труженики видят —
Свою защиту, родину и мать.

Все силы мрака смело побеждая,
Озарена сияньем алых звёзд,
Восьмисотлетняя, но вечно молодая,
Она стоит, как в будущее мост.

Все города, как люди и народы,
Свою судьбу имеют на земле.
Но Честь и Правда, Совесть и Свобода
Живут в Москве, в её седом Кремле!

ГОВОРIT МОСКВА!..

Рис. Г. ВАЛЬКА

Москва! Как много в этом звуке!..

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ВОСПОМИНАТЕЛЯХ

ЗНАЕТЕ ЛИ вы, что такое воспоминатель? Ну, конечно, знаете.

Точно муха вокруг мёда, воспоминатель вертится и жужжит в окрестностях именитого человека вообще и знатного юбиляра в частности.

Работа у него, прямо скажем, не очень обременительная: главное дело — это так построить дешёвенький шалаш своих воспоминаний, чтоб юбиляр остался в тени, а на первом плане красовался сам автор мемуаров.

Если верить ему, то получится, что:

а) Кутузову удалось прогнать Наполеона только тогда, когда великий полководец послушался совета воспоминателя;

б) Попов не изобрёл бы радио, если бы он, воспоминатель, не оказал ему в этом деле существенной помощи;

в) Чайковский написал оперу «Евгений Онегин» только благодаря тому, что сный воспоминатель подарил ему несколько мелодий своего сочинения.

И чем больше юбилей, тем больше ярится воспоминатель, тем шире полёт его не поддающейся контролю фантазии.

И сейчас, в юбилейные дни, мы легко можем представить себе, как в каком-нибудь московском клубе приобщаются к чужой славе очевидцы закладки первых московских домов, ровесники и ближайшие друзья первых зодчих.

Один из таких ораторов сладеньким голосом убаюкивает аудиторию:

— Как сейчас помню, братцы, были мы с одним прорабом, по-старинному, значит, — зодчим, завсегда однолетки. Имя-прозвание этого зодчего, я как сейчас, не помню, братцы мои, но это, други, не имеет исторического значения. Иду я это раз по Москве и вот, напротив Центрального телеграфа, неподалеку от коктель-холла, по-старинному, значит, ёрш-зала, встречаю этого самого зодчего... Он ухмыльнулся и говорит: «Послушай, решил я кой-чего воздвигнуть во украшение Москвы. Давай-ка, подмогни мне, ты мастак столицы строить». Ну, конечно, пришлось подмогнуть. Я уж взял на себя центр, а ему, чтобы не трудно было, отдал окраины, какие полетче. Так мы с ним и создали первый архитектурный ансамбль, по-старинному, значит, — комплекс...

Затем на трибуну поднимается другой воспоминатель:

— У меня в ту пору дачка была за Никитскими воротами, как раз рядом с магазином Главконсерва. И вот как-то раз в выходной день пожаловал ко мне на дачку один прогрессивный боярин, всё, как полагается, без бороды и в очулярах. Первым делом мы по тогдашнему обычаю троекратно облобызались, а затем усадил я его в красный угол и говорю: «Не обессуди, что я ставлю вопрос ребром, но хотелось бы для ясности знать, что привело тебя в мою скромную обитель?» Боярин посмотрел на меня сурово, инда мороз по коже пробежал, и отвечает, как сейчас помню: «Негоже, добрый молодец, загружать повестку дня лишними вопросами». А приехал он ко мне, как выяснилось, чтоб посоветоваться по некоторым тайным проблемам благоустройства Москвы.

К счастью, на юбилей Москвы не будет таких ораторов: не тот возраст у нашей столицы, чтобы снабжать материалом подобных воспоминателей.

Но всё же здравствующим московским старожилам есть что вспомнить.

Вот в одном из московских домов культуры выступает перед молодёжью старый учитель Капитон Егорыч.

— Я, мои молодые друзья, — говорит он, — неплохо знаю нашу столицу. Ну, обо всех её восьмистах годах не скажу. Но о последних тридцати есть что вспомнить. Давайте вместе вспоминать. Но не о том, что было. А о том, чего не было. Вот вы, молодой человек, ответьте пожалуйста: на чём вы сюда приехали?

— На проллейбусе.

— Хорошо помню, что тридцать лет тому назад этого не было. А вы, девушка, на чём приехали?

— На метро.

— Как сейчас помню, и этого тогда не было. А вот вы... Где вы живёте?

— В Охотном. Недалеко от гостиницы «Москва».

— А вы?

— На Можайском шоссе.

— Точно помню: не было тогда ни такой гостиницы, ни такого проспекта... Будем дальше вспоминать. Вот эта девушка мне сейчас скажет: кто её отец?

— Токарь.

— Это было. Токари давно существуют в Москве. А что вы делаете, девушка?

— Учу в Энергетическом институте.

— А вот этого тогда не было. То есть, институт был в Москве. Токари были в Москве, но их дочери не учились в институте. А вы кто такой, молодой человек?

— Слесарь.

— Это было. Слесари водились в Москве. А что у вас за ленточка на груди?

— Орден за стахановскую работу.

— Вот этого тогда не было... Хорошо помню, ничего этого не было... Хорошо помню...

Как видите, старым москвичам есть что вспомнить!

Г. РЫКЛИН

ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— И давно, дядя, ты здесь, на Пресне, работаешь?

— Давненько. И всё по строительству. Помню, ещё в девятьсот пятом году я здесь баррикады строил.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ О МОСКВЕ

В Москве мы были.
В Москве нас били.

ПАН Гонсевский
ПАН ЖолкЕвский
1612 г

НЕ ЧУЯ БЛИЗКИХ БЕД,
Я ШЕЛ В МОСКВУ ЗА СЛОВОЙ
И ВОТ ПОЛИБ, КАК ШВЕД,
ПОД - КАК БЕЗ! ПОЛТАВОЙ.

Карл XII
1709 г

Москва не любит самозванцев
Я убедился в том уже:
Я при поддержке иностранцев
Погиб.

1606г Покойный Дмитрий (Аже)

Я был, - но на давнем этапе
Прогресса военных наук,
В Москве, где мне дали по шляпе
И серый порвали сюртук.

Жанполон первый

1812 г

И я был бит на поле сном,
Берусь дралась с Наполеоном
1945. Я Адольф Последний

Москву досель-ах бога кохам!
Я вспоминаю. Но-со вздохом.

1920г Ч. Пилсудский

Видел Москву в одиноль.
Добавлю нох два слова:
Я не увижу Москвау
Снова!
Сорреитору
Минимельпаремин
1941г

Я начал свой поход на океань Тихомь
Подъ интервентских пушек гуль,
Но по пути вь Москву на сущь потонуль
Бываеть! Поминайте лихомь!..

1919. Адмираль Колчакъ

В Париж из Лондона я вез проектик свой,
Но не добился результата,
Нечего доволен я Москвой.
1947г подпиль Неразборчива
Москва, вишь виновата!
(ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ)

Я ЗНАЛ МОСКВУ ЗНОЧНО,
АВРАЛО НЕЙ ПОСТРОЧНО.
Собственный корреспондент
Газеты "ДЕЙЛИ ПЕРЕВРАВ"
1947г

Деву, воошше
Делать нечего
1919г

Впервые в Москве

Её мы встретили наднях
У Каменного моста.
Наивность детская в глазах,
Одета очень просто.
— Простите, сбилась я с пути,
Как на Неглинную пройти?

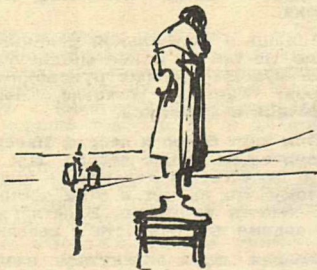
Она робеет всё сильнее,
Волнуясь безотчётно.
Конечно, мы сейчас же ей
Ответили охотно:
— Сверните там, где белый дом,
Потом сверните снова,
Идите прямо, а потом
До площади Свердлова.
Неглинная она как раз
Напротив «Метрополя».
Весь этот путь займёт у вас
Минут пять — шесть, не боле.
А то трамвай ещё идёт
Отсюда до Петровки.
Сестр на него вам нужно вот
У этой остановки.
Вы что, приезжая?

— Ну, да,
В Москве я не бывала,
Сегодня утром я сюда
Приехала с Урала...

Она мгновенно скрылась с глаз,
Растаяла, пропала...
Но чем-то эта встреча нас
Ужасно взволновала.
Мы вдруг представили себе
Отчётливо, какое
Произошло в её судьбе
Событие большое.

Осуществились наяву
Её мечты живые,
Она приехала в Москву,
Она в Москве впервые!
Её впервые к нам сейчас
Доставил эскалатор,
Она сегодня в первый раз
Пойдёт в Большой театр.
Она увидит Мавзолей,
Кремлёвские твердыни,
По Красной площади по всей
Пройдёт впервые ныне,
Увидит первый раз она
Часы на Спасской башне,
Чей ночью слышит вся страна
Спокойный бой всегдашний...

Она помчится поскорей
В Московский планетарий,
И улыбнётся Пушкин ей
На Пушкинском бульваре.
Она все вывески прочтёт,

Осмотрит все витрины,
В Мосторг зайдёт, в Пассаж зайдёт,
В другие магазины.
Она там будет выбирать
Подарки и обновки,
Она, конечно, побывает
Захочет в Третьяковке.
И, обойдя музеи все,
Потом поедет прямо
По Ленинградскому шоссе
На стадион «Динамо»...
Потом, возможно, забредёт
В проулочек московский
И с удивлением прочтёт:
«Здесь жил А. Н. Островский»...

Как можем мы предугадать,
Где ей удастся побывать?
Как у Садового кольца,
Так и у всей столицы,
Нет ни начала, ни конца,
Ни края, ни границы.

Гудят авто, снуёт народ,
Повсюду шумно, тесно...
Она по улице идёт,
И всё ей интересно.
Идёт, пересекает сквер,
Застыла у забора:
Как этот милиционер
Похож на дирижёра!
Невозмутимый он какой,
Какой серьёзный, важный...
А это что такое?.. Ой!..
Троллейбус двухэтажный!
Как сухопутный пароход,

Качаясь между зданий,
Он вдоль по улице плывёт
Сверх всяких ожиданий...

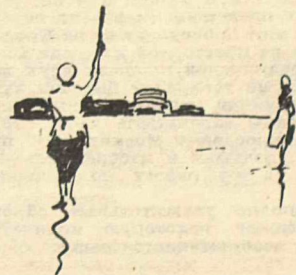
А Моссовет-то вот какой!
Не знала, что такой он.
Он, видно, мастерской рукой
Недавно перестроен!..
Ей надо сразу, всё подряд
Узнать, в Москву приехав.
Её интересует МХАТ,
И Симонов, и Чехов.
Она пойдёт на «Три сестры»
В театр, чтимый свято.
Она увидит стиль игры
Больших актёров МХАТ'а.
Она, наверно, постыит,
Не в силах скрыть восторга,
Там, где недавно сквер разбит
За зданием Мосторга.
Она все улицы пройдёт,
Но в поисках напрасных
Ни Триумфальных не найдёт,
Ни старых Сретенских ворот,
Ни Кировских, ни Красных.

Она лишь гость в Москве, но в ней
Совсем, совсем, как дома.
Здесь всё, конечно, ново ей,
А вместе с тем знакомо.
Про нравы, про житьё-бытьё
Московских наших дедов
Писал когда-то для неё
Писатель Грибоедов.
Про этот дом и тот вокзал,
Про этот шум московский
Ей не однажды рассказал
Владимир Маяковский.
Про всё, что встретится сейчас,
Про все красоты эти
Она читала много раз
И в книгах и в газете.

Она идёт, и ловит взгляд
Ожившие картины:
Вот алым пламенем горят
Кремлёвских звезд рубины...
Пятиконечные огни,
Как ярко светятся они
И днём и ночью тёмной
Над всей Москвой огромной!..

Полна невиданных красот
Великая столица.
Она так молодо живёт
И так вперёд стремится!..

Нет в мире города родней!
Москва для всех родная!
И девушка сроднилась с ней,
Её ещё не зная.
Осуществились наяву
Её мечты былые...
Она приехала в Москву!
Она в Москве впервые!

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПА

Дружеские зарисовки Бор. ЕФИМОВА

ОБРАТИТЕ внимание — все участники этого юбилейного шествия вам хорошо знакомы. И это естественно, поскольку лица, представленные здесь, — это популярные и знаменитые лица.

Мастера искусств в день юбилея вышли приветствовать Москву. Они имеют на это право. Их труды и сами они являются гордостью и украшением столицы.

Здесь, конечно, представлены далеко не все. Дело в том, что парад этот происходит не на Красной площади и даже не на просторной площади Свердлова, а на крайне ограниченной площади двух журнальных страниц. Кроме того, если бы наш художник, которому мы поручили изобразить этот парад, поставил своей целью запечатлеть всех, кто на празднике искусств прославил Москву, ему, при всём его огромном трудолюбии и изобретательности, потребовалось бы на эту работу по меньшей мере восемьсот лет.

Только эти, вполне уважительные объективные причины объясняют некоторую количественную ограниченность изображённого выше юбилейного шествия.

Итак мы видим только голову колонны. Пусть воображение читателя дорисует её бесконечное продолжение за рамками этих страниц.

Аполлон на своей колеснице возглавляет колонну Вольшого академического театра, в которой мы

легко узнаём Варсову, Давыдову, Держинскую, Михайлова и Козловского. Корифеи вокала идут и поют очень стройно. Особенно приятно, что на этот раз они идут сами, без замен. Так сказать, первый состав, согласно афише. Это, знаете, далеко не всегда бывает.

Словом, картина необычайно приятная.

Феи балета парят над Аполлоном. Художник не стал конкретизировать лица: у него такой огромный выбор великолепных балерин, что он растерялся и предпочёл изобразить балет условно.

За Вольшим академическим театром идут театры возможно и менее большие, но уж никак не менее академические.

Под сенью чайки шествует МХАТ. Как приятно видеть старейших и лучших артистов этого прославленного театра: Качалова, Тарханова, Книппер-Чехову. Их приятно видеть в рядах праздничного шествия, но ещё приятнее было бы увидеть их на сцене в новых ролях, достойных их таланта. Впрочем, это замечание относится не столько к ним, сколько к идущей позади колонне писателей.

Мы умышленно до сих пор не называли Тарасову, которая идёт рядом с Книппер-Чеховой, во-первых, потому, что она далеко не старейшая, и, во-вторых, потому, что ей повезло: она в этом сезоне всё-таки сыграла новую роль.

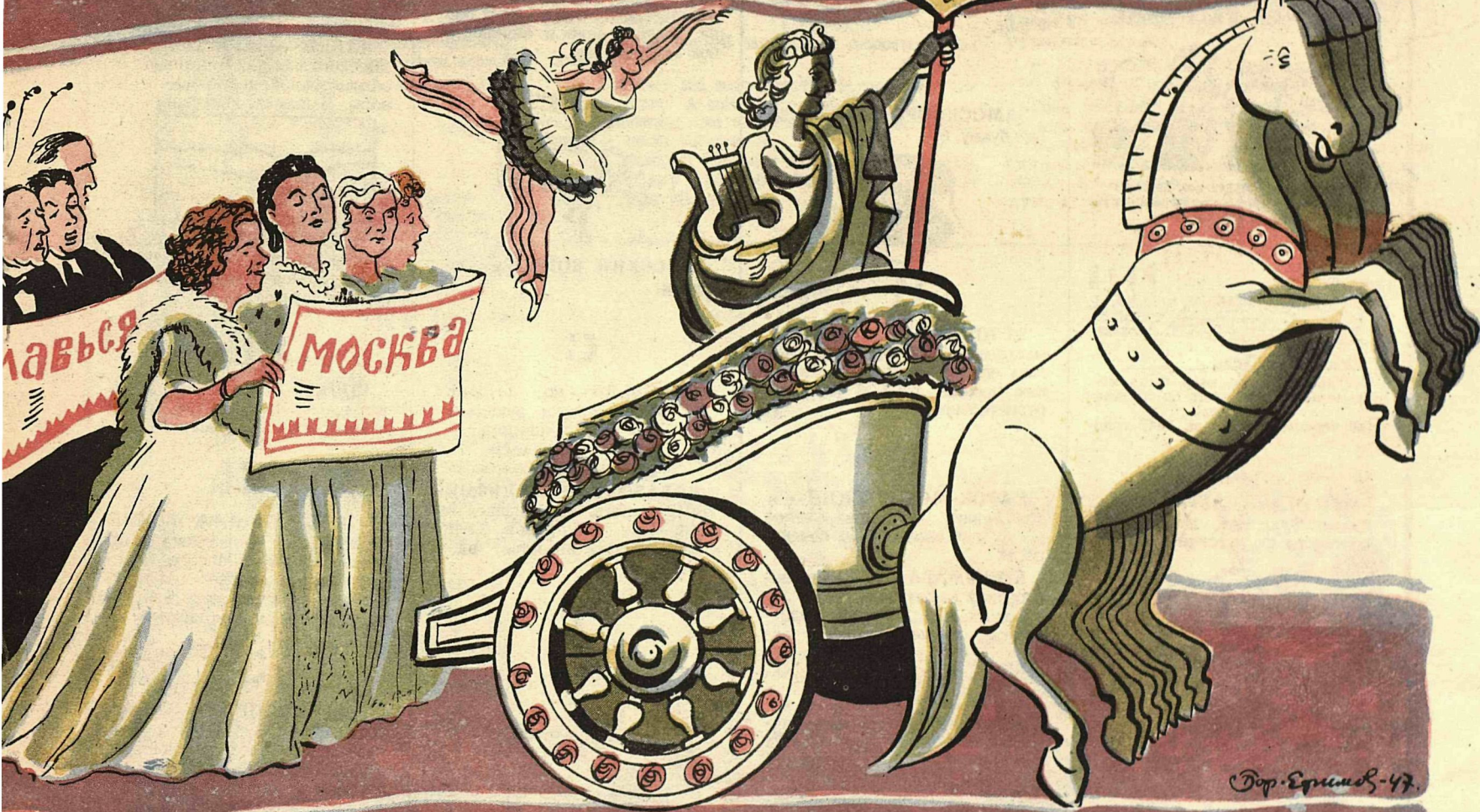
Малый театр представляет большая актриса Яблочкина. Она явно в хорошем, вполне юбилейном настроении. Тому есть много причин. Её, вероятно, радует, что старый Малый театр в этом году помолодел и стал вполне нашим современником по своему репертуару. Ей должно быть приятно, что, наконец, завершается ремонт её родного театра, ремонт, продолжавшийся немногим меньше юбилейного срока.

Дальше в театральной колонне идут неакадемические, но тем не менее вполне уважаемые и достойные художественные руководители московских театров: Таиров, Михоэлс, Берсенева, Завадский, Симонов и Охлопков.

Они идут бодро и весело. Пьесы в их театрах идут значительно менее весело. Мы имеем в виду комедии. То есть мы как раз не имеем в виду комедий, потому что их нет в этих театрах. Но оставим это на совести художков. В остальном у них есть все основания для бодрости и веселья.

Правда, если оглянуться назад, можно сказать, что ещё недавно некоторые театры слишком часто оглядывались назад. Их творческие поиски устремлялись в каширскую старину и доходили до боярских времён с теремами, кокошниками и древними шалостями Фрола Скабеява.

ПАРАД ИСКУССТВ

Вор. Египет - 47.

Но вот в лето (точнее в осень) от основания Москвы семсот девяносто девятое было заблуждающимся худрукам zelo и вельми ясно указано на их заблуждения. И в течение последнего юбилейного года худруки одумались, разверзли вежды свои и воззрились на современность. С чем мы их и поздравляем. И не только мы, но и зрители, благодарные им за хорошие, новые и злободневные постановки.

Далее, как легко догадаться по эмблеме — книге, — идут писатели. Впереди руководство Союза писателей — боевой секретариат: Симонов, Фадеев, Горбатов. Секретариат, действительно, боевой. Эти руководящие деятели Союза писателей интересны тем, что они не только хорошо говорят, но и хорошо пишут.

Справа, во главе с Вершигорой, идут люди с чистой совестью, писатели, знающие войну, много пережившие и честно и сильно писавшие о войне: Вера Панова, Некрасов, Твардовский.

К сожалению, книга загораживает ещё многих и многих, достойных быть присоединёнными к этому списку, но в конце концов в этом есть даже как-то справедливая закономерность. Ведь книга, собственно, есть лицо писателя, и читатели должны знать его не по фотографиям и портретам, а главным образом — по книгам.

В колонне композиторов, которую вы легко найдете по нотам, идут Шостакович, Захаров, Прокофьев, Соловьёв-Седой, Хренников, Блантер, Новиков. Не придирайтесь к тому, что кантата, название которой они несут, не написана ими. Их симфонические произведения, их песни, если рассматривать их вместе, так сказать суммарно, звучат, как бодрая и жизнерадостная современная симфония.

Обращаем ваше особое внимание на композиторов-песенников. Заметьте, какие они все разные, яркие, непохожие друг на друга. Заметили? Теперь попробуйте заметить это же по некоторым их песням. Попробовали?... Вот видите, как иногда бывает обманчива внешность!

Во избежание обид мы подчеркнём свою формулировку — и н о г д а.

За авторами, естественно, следуют исполнители — мастера эстрады. С радиоусилением голоса и электроформлением текста песенки о фонарике идёт вполне заслуженно заслуженный артист эстрады Леонид Утёсов. К юбилею он блеснул новой программой и ещё раз наглядно доказал, что эстрада — это настоящее искусство и притом одно из самых оперативных и массовых искусств.

Что касается остальных артистов эстрады, также идущих в первых рядах юбилейного шествия, — не думайте, что мы их забыли или что мы относимся

к ним пренебрежительно. За кого вы нас принимаете? Мы же не критики! Мы просто не смогли изобразить этот многочисленный отряд по чисто объективным причинам, изложенным вначале.

Лихо приплясывающий парень с окраины — это Игорь Моисеев. Этот «парень с окраины» хорошо известен не только в самом центре Москвы, в зале Чайковского, но и в центре Праги, где только что его танцоры заняли все первые места на международном фестивале танца.

Колонну художников, как всегда, возглавляет А. Герасимов. Как видите, у него страдная пора. Он накануне хлебосдачи. Вместе с урожаем поспекает его цикл картин «Урожай». За ним следует академик Грабарь. Дальше, с полным сознанием ответственности момента, шагает человек, ответственный за красоту юбиларши, скульптор Меркуров. Он идёт и присматривает площадки для своих готовых и готовящихся памятников.

А дальше...

Дальше, к сожалению, кончается страница, и мы ещё раз убедительно просим читателей представить себе бесконечные колонны передовых работников кино, цирка, ещё артистов, ещё писателей, ещё художников, ещё композиторов, — словом, всех тех, кого они сами хотели бы видеть в рядах юбилейного шествия.

(МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МОСКВЫ)

А

А — буква. Если с колёсами, — трамвай.

Б

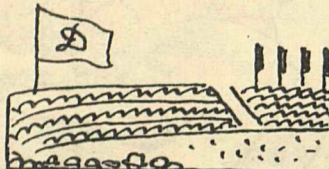
Б — буква. Если с колёсами, — троллейбус.

В

ВСЯ МОСКВА — понятие относительное (см. рисунок).

«На премьере была вся Москва» (Из хроники «Московского листка» за 1910 год.)

Только незначительная часть москвичей могла попасть на стадион «Динамо». («Вечерняя Москва» за 1947 год.)

Г

ГРАНД-ОТЕЛЬ — гостиница, которую уже давно пора перевести на русский язык.

ГОРЛАТНАЯ ШАПКА — боярский головной убор. Придавал шапковладельцу весьма спесивый вид. Носить в наше время не рекомендуется, дабы не получить по шапке.

Д

«ДИНАМО» — см. матч, если удастся попасть.

ДРАМЫ И КОМЕДИИ ТЕАТР —

Они работают упрямо над освоением наследия. Но в их театре, скажем прямо, что ни комедия, — то драма, и что ни драма, — то комедия.

Е

ЕДИНИЦА ШТАТНАЯ — физическое тело. Имеет свойство после сокращения увели-

чиваться. Этот любопытный процесс можно наблюдать в иных московских учреждениях.

Ж

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС — имеется во многих театрах нашей столицы и служит в качестве противопожарного средства. В некоторых иностранных столицах «железный занавес» используется для пожарных целей в международном масштабе.

З

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ — набирай букву В

И

ИСТОПНИК — почтенная московская фигура. Пока трогать его не будем. Посмотрим, как проявит себя в текущем отопительном сезоне.

К

КАТОК МОСКОВСКИЙ — к сожалению, не единственное место, где скользят по поверхности.

КОЛЫМАГА — старомосковский автомобиль в две лошадиных силы. Вконец распалась от неумеренного ис-

пользования её авторами исторических романов, позабывших о том, что «в карете прошлого далеко не уедешь».

Л

ЛИПА — когда она в Москве, то это — дерево, украшающее бульвары. Когда она (липа) о Москве, то это — Липман Уолтер.

М

МОСЭСТРАДА — оперативно работающая организация: задолго до восьмисотлетия Москвы снабдила своих конференсье острогами восьмисотлетней давности.

Н

«НЕСКУЧНЫЙ» — название сада, расположенного на Москве-реке. Сад «Эрмитаж» нескучным не называют.

О

ОСТРОВСКИЙ А. Н. — драматург. Сидит перед Малым театром, где идут его пьесы. На переднем плане (см. рис.) идёт драматург Н., пьесы которого нигде не идут.

П

ПОТЫЛИХА — деревня. Систематически не выполняет плана фильмосдачи и кинопоставок государству.

Р

«РУССКИЙ ВОПРОС» — см. театры.

С

СОЛОВЬЕВ — но который? Поэт, истории любитель, Трагедий сочинитель? Или этот Соловьёв, Сочинивший «Соловьёв»?

СПРАВОЧНИК ТЕЛЕФОННЫЙ — книга, для написания которой у работников Министерства связи не хватает вдохновения.

Т

— буква с хвостиком.

ТЕАТРЫ — Малый, МХАТ, имени Ленинского комсомола, имени Моссовета, имени Вахтангова, Московский передвижной, Московский гастрольный, Московский областной и др. — см. «Русский вопрос».

У

УРАН — кино в Москве, планета в солнечной системе и предмет политической спекуляции в Канаде.

Ф

ФЕДОРОВ ИВАН — первопечатник. Начал в Москве полезное, большое дело, которое с переменным успехом продолжает тов. Головенченко (Гослитиздат).

Х

ХИМКИ — единственный вокзал, на котором нет очередей за билетами на поезд.

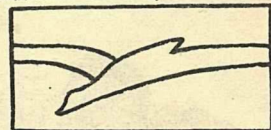
Ц

ЦЕНТР — понятие относительное. Не так давно нам довелось подслушать такой разговор:

— Где жил ваш дед?
— На окраине. У Белорусского вокзала.
— А вы где живёте?
— Почти в центре. У Белорусского вокзала.

Ч

ЧАЙКА — мхатовская птица высокого полёта. В отличие от обыкновенной чайки не любит воды. В пьесах, конечно!

ЧАЦКИЙ Александр Андреевич — москвич. Был заграницей, но перед Западом не низкопоклонствовал.

Ш

ШАЙКА-ЛЕЙКА — дьявольская шайка. Встречается иногда в некоторых московских банях.

Щ

ЩЕПЕТИЛЬНИКОВСКИЙ ТРАМПАК — название прамвайного парка в Москве. Впрочем, вопроса о московском трамвае мы не будем затрагивать в торжественные дни юбилея.

Э

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ — малая московская (МЭМ). Единственная энциклопедия, которая вышла полностью и своевременно.

Ю

ЮРИИ ДОЛГОРУКИЙ — не без основания считается первым москвичом. Основал Москву.

Я

ЯМЩИК — давно исчезнувшая профессия. Раньше ямщик ввозил загулявших купцов к цыганам, а теперь на нём выезжают только «цыганские» певцы из резервов ВГКО.

СТАРЫЕ МОСКВИЧИ

НА ТВЕРСКОМ бульваре, у памятника Пушкину, на скамейке сидят двое мужчин и разговаривают.

Одному мужчине на вид лет шестьдесят с квостиком, другому — раз в шесть меньше.

Это дядя и племянник.

Дядя — приезжий, прибыл, судя по разговору, погостить в столицу из маленького уральского городка.

Племянника зовут Юрий. Он показывает дяде Москву.

— А вот тут, дядя Федя, как раз за Пушкиным, во время войны стоял слон! — говорит Юра и тычет пальцем в бульвар.

— Живой слон?

Юрий смеется:

— Нет, дядя Федя, не живой. Не зоологический, а резиновый. Их только так называли — слонами.

— Кого их-то?

— Аэролаты воздушного загрязнения. Их по вечерам водили бойцы по Москве, как слонов. Под гулцы!.. Потом они поднимались в воздух, а фашисты на них натывались и падали. А туда подальше, дядя Федя, по бульвару вниз, где памятник депутату Балтики, там зенитки стояли. К-а-а-к ударят — фашисты кувырком вниз!..

— Страсти какие!.. Повидал ты на своём веку, Юрка!

— Будь спокоен, дядя Федя, всё-таки десять лет в Москве живу!

— А сколько тебе всего?

— Тоже десять. Я, брат, дядя Федя, видел, как пленных фрицев по Москве вели. Впереди — ижние генералы, ск-у-учные такие, а за ними — сплошные фрицы. Папа сказал, что это — историческое зрелище.

— Вырастешь — будешь гордиться, что такое видел, Юрка!

— А зачем мне ждать, пока я вырасту, дядя Федя? Я лучше сейчас буду гордиться.

— Ну, гордись сейчас.

Они молчат. Потом дядя Федя вздыхает и говорит:

— Д-а-а... Не узнать Москву! Тому, кто в ней давно не был, кажется, будто ты совсем в другой город попал. Вот сижу с тобой, Юрочка, смотрю на Страстную площадь и — не узнаю...

— Это не Страстная площадь, дядя Федя, это Пушкинская.

— По-старому, Страстная. Вот там, где киоски, раньше Страстной монастырь стоял!

— Монастырь? А что такое монастырь, дядя Федя?

— Монастырь — это... такой монастырь. Где монахи жили.

— А что такое монахи?

— Монахи — это... такие монахи, которые жили в монастыре. В общем тебе это даже и неинтересно знать, Юрочка... В общем тут, на площади, дом стоял. А теперь его нет — снесли... А возле него, помню, всегда легковые извозчики стояли. Полным-полном!..

— Какие такие легковые извозчики, дядя Федя?

— Неужели ты никогда не видал живого легкового извозчика, Юрка?

— Нет, не видал. Я покойника-извозчика тоже не видал, дядя Федя.

— Хотя... конечно... мог и не видеть... Извозчики — это, брат, был основной московский транспорт. Вспомнить смешно, ей богу!.. Едет такой старикашка на клячонке, кнутиком помакивает...

— Верхом едет?

— Зачем верхом? Клячонка в пролётку запряжена. А в пролётке седок. Хотя бы

мы с тобой. Трюк, трюк... Но, болезная!.. Трюк, трюк... Тшпруу!.. Приехали!.. На чак бы с вашей милости!..

Старый и малый смеются.

— А сколько стоил билет на извозчика, дядя Федя?

— Билетов извозчики не давали, Юрочка. Они были частники. За сколько сторгуешься, за столько и поедешь!

— Неинтересно! На проллейбусе лучше, дядя Федя. Вот мы с вами ещё посидим немножко, а потом поедем. Да, дядя Федя?

— Поедем. Только... народу много. Не сядем, пожалуй!

— Сядем. Они теперь часто ходят. В крайнем случае сяди с вами прицепимся.

— Ах ты, разбойник! Неужели ты цепляешься?

— Нет, дядя Федя, это я пошутил. Раньше цеплялся, когда маленьким был. А теперь — нет.

— Это когда же ты маленьким был?

— Ну, в прошлом году... Мы с вами поедем, знаете, куда?.. На станцию «Динамо» — купаться!

— Это по какой железной дороге такая станция?

— Почему по железной? Прямо по улице Горького. А потом по шоссе.

— Обожди, ты же говоришь, она станция — твоя «Динамо».

— Станция. Водная. Там вышка такая, с неё в реку прыгают. Это рядом с Химками, дядя Федя.

— Да-а!.. Для нашего брата никаких станций не было раньше. В крайнем случае прямо с берега в воду сигали.

— Дядя Федя, а у вас в городе есть стадион «Динамо»?

— Имеется стадион, только не «Динамо», а наш заводской. Хороший стадион, большой!

— На восемьдесят тысяч зрителей?

— Что ты, бог с тобой!.. У нас всех зрителей-то в городе, считая прудных младенцев, наберётся от силы пятьдесят тысяч.

— А метро у вас есть?

— Метро, конечно, нет. А вот рельсы для вашего московского метро мы делаем. Так что ты, Юрка, не задавайся!.. Мы тоже вроде считаемся москвичами... Так-то, брат!

— Дядя Федя, вот вы всё знаете про старое. Что такое московская просвирня?

— А ты не знаешь?

— Не знаю. Я думал — это учреждение такое. Ходил по улицам, читал вывески. Нет такого учреждения.

— Просвирня — не учреждение. Это, Юрочка, были такие женщины-хлебопёки. Пушкин говорил, что у них надо учиться русскому языку.

— Ну, поехали купаться, дядя Федя.

— Поехали, старый москвич.

Они уходят. А жизнь на бульваре идёт своим чередом. Няньки возят колясочки с младенцами. Влюблённые приходят на свидание. Хлопотливые московские галки сидят на крышах. И бронзовый Пушкин думает свою вечную думу.

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Понимаете, душечка, я решила сшить себе к юбилею что-нибудь в старомосковском стиле. Покажите мне последние заграничные журналы, чтобы выбрать фасон.

Лжесказания чужеземцев О граде Москве

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКОВИЮ ДЖЕМСА
БОЛТУИНА, НЕГОЦИАНТА АГЛИЦКОГО,
ОПИСАННОЕ ИМ САМИМ

Тому назад седмицу прииде аз
во град Москву из земли аглиц-
кия. И как увиде град оный, тот
час отягчил себя скорбью вели-
кою и в болезнь впаде.

А поставлен бысть град Москва
на скале бесплодной и льдами зе-
ло покрыт. Ведут же во град сей
врата Калиновые, Рябиновые и
Арбатские. А дня на Москве нету вовсе. Солнце холстиной да
пестрядиной домотканной занавешено. Пресной воды нету. Щи
варят вельми пресолёные. Плоды токмо же солонь суть.

Куры в Московии о трёх ногах и с рогами. Икру мечут на
Лобном месте под малиновый звон и черносмородинный.

Пакостную эпистолу сию переложил на словеса россий-
ские дьяк Никодим Осетров.

Лета господня одна тысяча пятьсот шестидесятого генваря седьмого дня.

ИЗ ЗАПИСОК КУПЦА ГОЛШТИНСКОГО

Как знаток Российская Европа, я пи-
саль этот сочинений про Москва. Мо-
сква имеет очень мало улиц и много
недоулков, по которым проходит столб-
няк фонарей.

Над Москвой всегда тучное небо и
много ветренности. По вечерам напар-
ники и девицы водят хоровод под гар-
мон.

В русских лесах водится много звер-
ства. Его могут хорошо покупать немецкие шкурники.

Язык русский беден и непонятен, так как содержит мало не-
мецких слов.

Московские князья часто ходят в баню, где они бывают насе-
комые при помощи берёзовых веников.

В Москве необходимо досадить немецкой цивилизации.

Иоган Бюхнер. 1786 г.

ПО ТУ СТОРОНУ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»

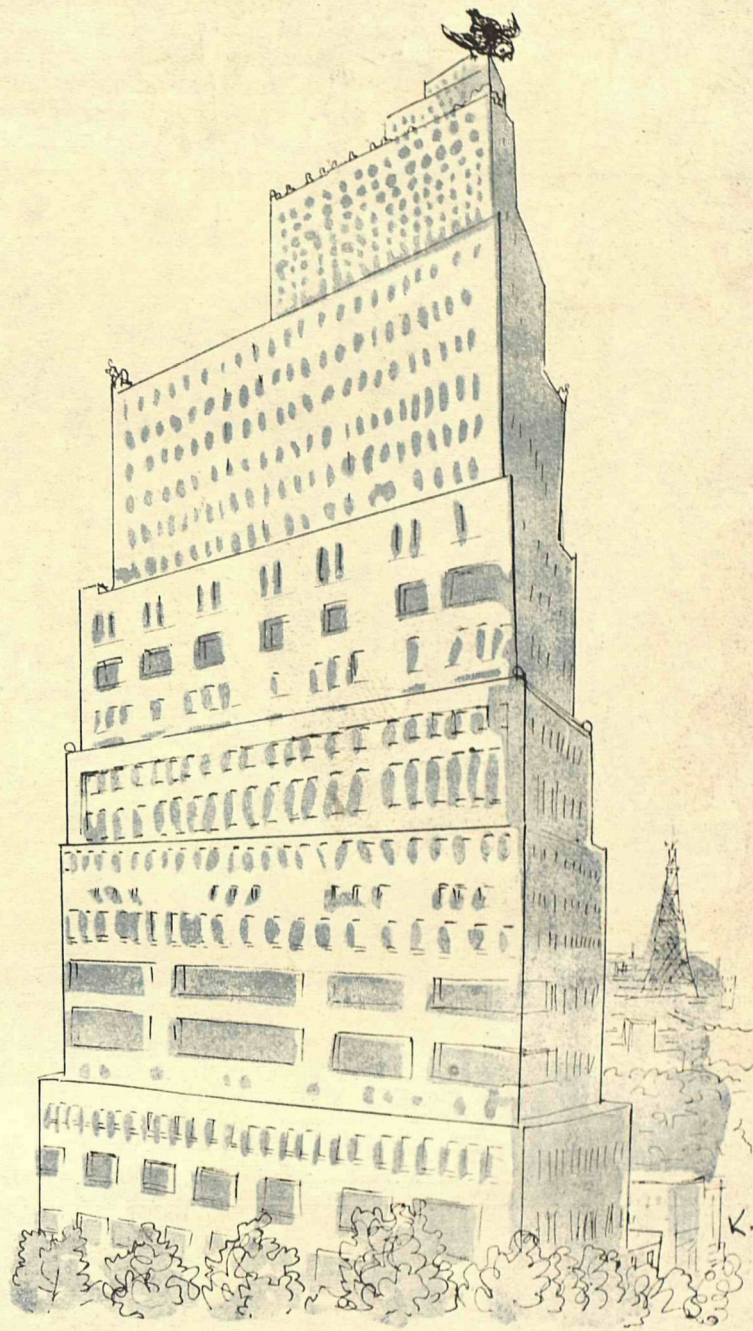
Нынешняя Москва представляет
чрезвычайную опасность для совре-
менной цивилизации. Во время свое-
го недавнего пребывания в Москве я
лично убедился в непрерывно расту-
щей экспансии Москвы.

Я видел своими глазами, как ты-
сячи военных, переодетых в костю-
мы строительных рабочих, покры-
вают яркими красками фасады мо-
сковских зданий. Несомненно, что
это делается с военными целями.

На улицах Москвы, на каждом перекрёстке продаётся мороже-
ное. Я наблюдал, как миллионы москвичей всё с большей и боль-
шей лёгкостью поглощают этот продукт. О чём говорит этот
факт? Несомненно, что Москва готовится к войне с Америкой и
проводит широкую тренировку своего народа на пребывание в
арктических условиях. Поэтому правительство США поступает
совершенно правильно, организуя в свою очередь многочислен-
ные военные базы в районе Арктики.

Корреспондент агентства «Агунейшенел плюус стервис»
Гарри Бум. 1947 г.

Лжесказания собрал Ян САШИН

— Наконец-то я вижу Москву с птичьего полёта!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

МОСКВИЧ И «МОСКВИЧ»

Москвичу Кузьме Козлову
Расстояние нипочём!..
Я его, скажу вам к слову,
Поздравляю с «Москвичом».
День и ночь Козлов в машине.
День и ночь гудит клаксон.
Потерял Козлов отныне
Аппетит, покой и сон.
То колёса вымыть надо.
То манишку, то капот,
То прочистить — вот досада —

В двух местах бензопровод.
Как оставить без призора
Свой чудесный аппарат?!
Стал Козлов наш очень скоро
Пропылённым, как рессора,
Маслянистым, как домкрат.
Но даю, читатель, слово,
Даже клятву, даже две,
Что счастливее Козлова
Нет водителя в Москве!

Редактор — Г.РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подпиная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 589. Подп. к печати 26/VIII 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зп. в 1 печ. л. 78 000

А — 08821.

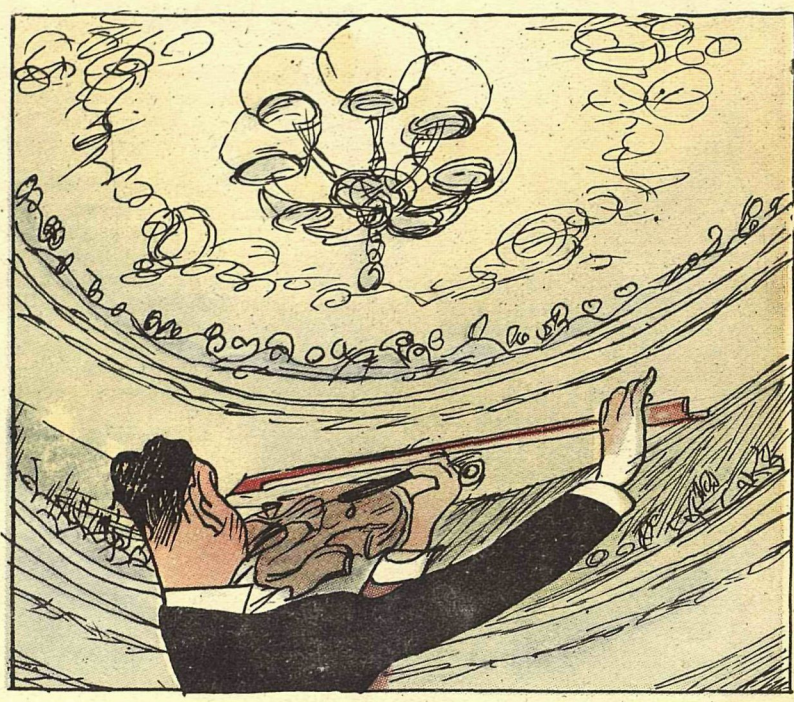
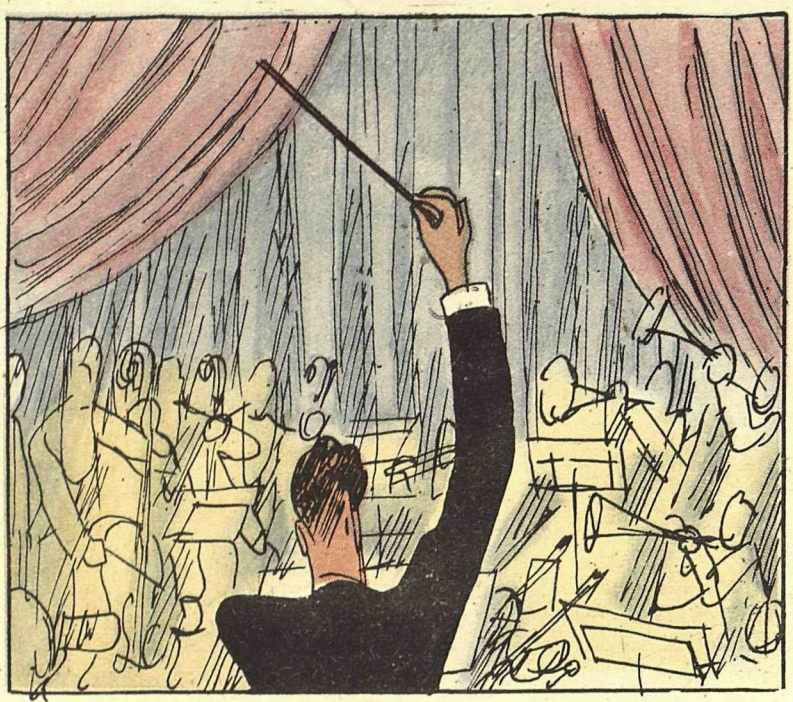
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2270. Тираж 150 000 экз.

«РУКА МОСКВЫ»

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

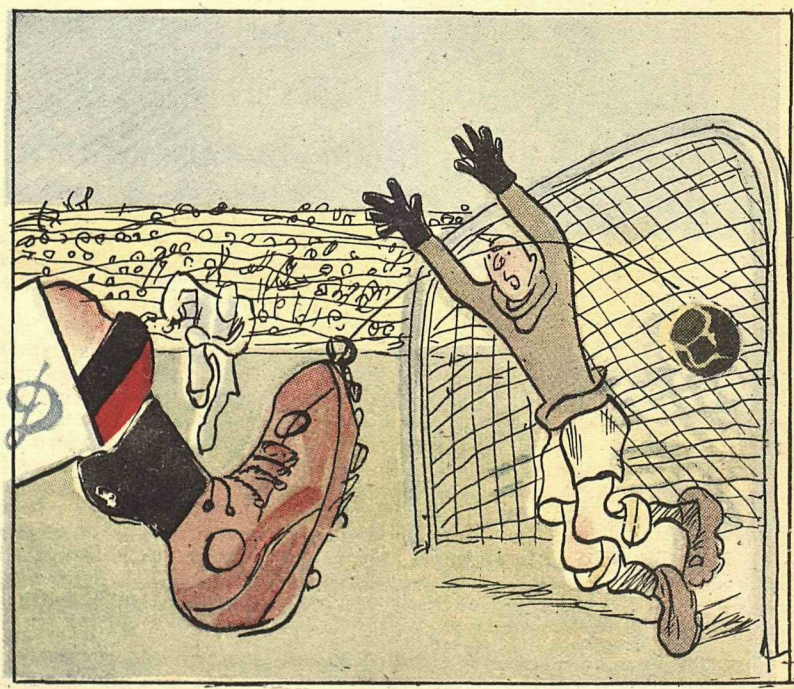
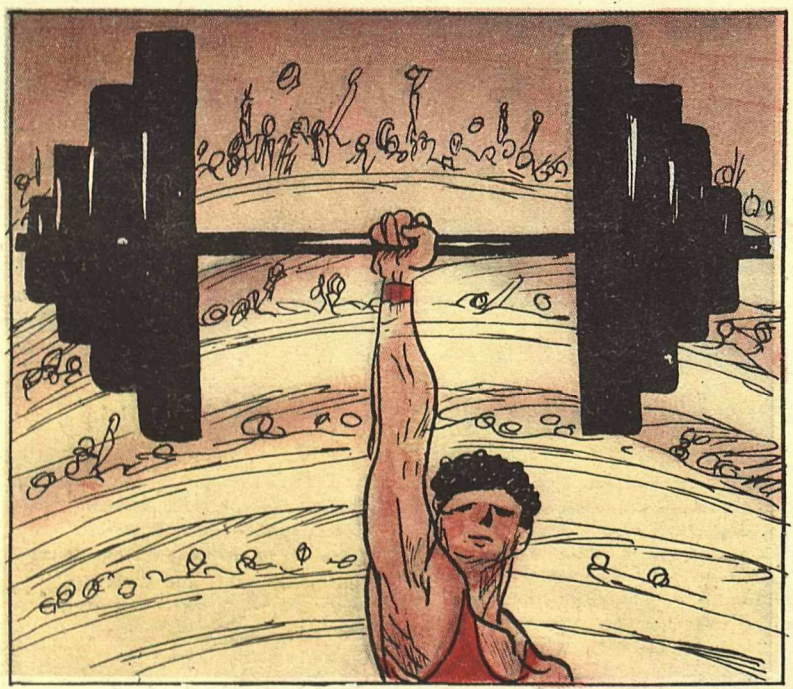
ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1947 г.

Некоторые иностранные журналисты и прочие реакционные зарубежные комментаторы все наши достижения расценивают как свои неприятности. И вообще во всех своих неприятностях они склонны видеть «руку Москвы». В целом это, конечно, — вздорное утверждение. Но наш художник изобразил несколько конкретных, исключительных ситуаций, в которых пресловутая «рука Москвы» действительно сыграла свою роль.

Когда после одного из концертов советской музыки за рубежом многие слушатели разочаровались в современной американской музыке, комментаторы немедленно усмотрели в этом печальном для них явлении «руку Москвы». И, пожалуй, они были правы.

Когда после международного конкурса музыкантов-исполнителей иностранные газеты с поречью отмечали, что их музыканты, к сожалению, не заняли первых мест, в этом тоже безусловно была «рука Москвы». Даже руки Москвы. Те самые руки советских виртуозов, которые заняли первые места.

— Мы потеряли мировой рекорд! — кричали английские, американские и многие, многие другие спортивные обозреватели. — Это — недоразумение! Это происки! Это рука Москвы! И опять-таки это действительно была «рука Москвы». То есть, собственно, не всей Москвы, а рука москвича.

И неспроста английские болельщики, крайне огорченные поражением своих популярнейших команд, кричали о «руке Москвы». Хотя, строго говоря, это была скорей нога, чем рука. Тем не менее мы не можем с ними не согласиться.